

нографов и историографов и тщательно их исследовал.

Рано пока выносить окончательное суждение о Георгии Синкеле, изучение его

творчества — впереди. Настоящее издание «Хронографии» — лучшее тому подспорье.

Я. Любарский

Continuity and Change in late Byzantine and early Ottoman Society / Ed. by A. Bryer and H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986. VIII+344 p.

Книга о преемственности и переменах в развитии поздневизантийского и раннеосманского общества — плод реализации научной программы, объявленной в 1978 г. Центрами византийских исследований Бирмингемского университета и Думбартона Окса (Вашингтон). В основе книги — материалы симпозиума в Думбартон Оксе в мае 1982 г.

Источниковой основой труда являются византийские монастырские акты и османские налоговые описи. Авторы, однако, справедливо подчеркивают сложность прямых сопоставлений этих двух типов источников, их различную природу. Если монастырские акты были документами, подтверждающими права на землю и париков, на фискальные иммунитеты, то османские описи, созданные для нужд налогообложения, не учитывали земли и доходы, изъятые от взъясания налога, нередко давали лишь суммарную информацию о самих держателях. И если по ним можно судить о характере производства, демографических процессах, можно установить имена и статус прежних, византийских, владельцев, то их статистическая обработка для получения общей картины развития экономики определенного региона невозможна (с. 2—4).

Для исследования аграрного развития выбраны области Халкидики, Понта и Лемноса. Город изучен главным образом на примере Фессалоники и Трапезунда, хотя в сравнительном плане привлекаются и данные о других городских центрах.

В главе 1 Ж. Лефор рассматривает селение Радолоубо в Восточной Македонии. Автор пришел к заключению, что с XI до середины XIV в. наблюдается устойчивый рост населения (со 122 до 226 домохозяйств). Чума середины XIV в. прервала этот процесс, возобновившийся в следующем столетии. Эти демографические процессы Ж. Лефор считает типичными для всей Восточной Македонии (с. 18—19) и показывает, как они сопровождалась интенсивной внутренней колонизацией¹.

Исследовав то же селение во второй половине XV в. (по данным османских налоговых описей 1465 и 1478 гг.), Х. Лоури обнаружил преемственность аграрных занятий местного христианского населения в районе. Тимарлотская система налагалась сверху на традиционный стиль жизни и хозяйствования прежних византийских крестьян (с. 35). Однако за 13 лет рост налогов на домовладение, с учетом «инфляции», составил 31,83 %. Налогом облагались в первую очередь товарные культуры — вино и шафран, что показывает

ориентацию крестьянских хозяйств на рыночный сбыт их продукции. Лоури делает и более общий вывод: стоимость османских военных компаний не компенсировалась самими новыми приобретениями, но перекладывалась на плечи райя — платящего налоги населения. Однако, уплачивая налоги, как показал В. Димитриадис, и в последующем население Халкидики сохраняло значительную долю самостоятельности и автономности. В XV—XVI вв. в районы Халкидики направлялся поток беженцев из других, менее благополучных областей Османской империи (с. 50). Значительная доля земельной собственности на Халкидики по-прежнему принадлежала Афонским монастырям.

Аграрное развитие понтийской области Мацука, к югу от Трапезунда, исследовано Э. Брайером. Понт был одним из наиболее плотно заселенных регионов византийского мира. В Мацуке плотность населения составляла 60 человек/км² (исключая высокогорные области), в лежащей к западу от нее Трикоми — 125 человек/км². По людским ресурсам Трапезундская империя в XV в. была самым крупным византийским государством (с. 57—58). Однако население Мацуки не группировалось в крупные села, а было рассредоточено по небольшим хуторам. Брайер делает вывод о малочисленности проний на Понте и о преобладании мелких земельных держаний стратегического типа. Мелкие держатели составляли основу системы обороны Мацуки, которая сохранилась по крайней мере до второй половины XVI в. (с. 74—75). Административная же система банд (окоугов), с их дуканами и кефалами, напротив, была разрушена османами вместе с ликвидацией верхушки прежнего господствующего класса. На фоне общей картины довольно радикальной конфискации церковной собственности и закрытия (превращения в мечети) церквей после османского завоевания (1461 г.) Мацука представляла особенность: 3 ее крупнейших монастыря почти полностью сохранили свои владения при османах. Главную причину этого Брайер усматривает в особой роли монастырей в обороне региона (с. 83) и в поддержке их мощной при султанском дворе и патриархате «понтийской партии» в Константинополе, видным представителем и главой которой был Георгий Амирутци. Если первоначально на Понте многое сохранялось по-старому после османских завоеваний, то наиболее радикальные изменения начали происходить с 20-х годов XVI в. Первый период туркократии (1461—1553 гг.) был ис-

¹ Характеристика аграрных отношений в селении Радолоубо может быть дополнена, в частности, на основании работы Г. Г. Литаврина, не учтенной автором главы: *Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 89—92.*

следован Х. Лоури, второй (1560—1640) — Р. Дженнингсом. Лоури проследил очень медленный процесс исламизации населения: в 1486 г. в Мадуке было лишь 6 мусульманских домовладений, в 1515 г. — 51 (1,5 % всего населения), в 1553 г. — 101. В основном это были местные жители, принявшие ислам. Некоторое усиление мусульманизации произошло во второй половине XVI—начале XVII в.

Земельная собственность в пределах одного и того же селения при османах, как ранее в эпоху Трапезундской империи, дробилась на мелкие доли, находившиеся во владении как частных лиц, так и монастырей. Новый господствующий класс состоял преимущественно из тимариотов. Первоначально ими стали участники похода 1461 г. и греческие землевладельцы, перешедшие на службу к османам. Однако к 1486 г. почти все держатели тимаров были заменены переселенными из Албании христианами и мусульманами-янычарами. Между 1486 и 1515 г. к ним добавились тимариоты, переведенные из провинции Торул. К 1515 г. завершилась исламизация всех тимариотов. Сохранившие до начала XVI в. свое значение держатели небольших воинских феодалов мюсселемы (прежние трапезундских стратиготов) затем сливаются с крестьянством, хотя и получают некоторые привилегии и особый статус.

Элементами преемственности от эпохи Великих Комнинов в XVI—начале XVII в. Р. Дженнингс считает: физическое выживание сел и сохранение их названий; явное преобладание греческого православного населения в Мадуке; континуитет систем земледелия и землепользования, типов домов и подсобных помещений; примерно одинаковый уровень доходов от агрикультуры в 1461 г. и на рубеже XVI и XVII столетий; сохранение благоприятного баланса населения и ресурсов; наличие развитого сельского ремесла и промыслов. Элементами нового были: становление мусульманской правовой и налоговой системы, тимариотского землевладения; рост, хотя и медленный, мусульманского населения; усиление социальной мобильности и возрастание скорости перемещения земельной собственности; установление тесных экономических связей между мусульманским и христианским населением; политическая стабилизация, рост правовой защиты личности и хозяйства. В этом перечне, возможно, некоторые факторы несколько идеализированы. Так, например, экономические связи между мусульманами и христианами не были равноправными: в области кредита, к которой обращается Дженнингс, займодавцами выступают почти исключи-

тельно мусульмане. Возможность правовой защиты еще вовсе не означала ее эффективности на практике.

Монастырские владения на острове Лемнос в 1261—1453 гг. были исследованы Дж. Холдоном. На их территории производилась 1/6 всей сельскохозяйственной продукции острова; масштабы церковного землевладения увеличивались (с. 170—171). Но пожалования земель государством монастырям не всегда обрачивались большими потерями для казны: политическая нестабильность, набеги пиратов, военные действия на острове в сочетании с высоким уровнем эксплуатации крестьян приводили к острой нехватке рабочей силы. Нередко монастырям передавались пустыющие, приморские и труднозащищаемые территории. Монастыри обеспечивали производство и оборону в тех зонах, которые иначе оказались бы заброшенными. Крайне нестабильная ситуация на острове, как показал П. Топшиг, сохранялась и в периоды Латинского господства. В 1470 г., когда Лемнос принадлежал Венеции, его население, по самым оптимистическим оценкам, не превышало 6 тыс. человек. После установления османского владычества в 1479 г. остров не подвергся интенсивной турецкой колонизации. Как показал Х. Лоури, его оборона осуществлялась местным христианским ополчением и небольшим отрядом янычар-тимариотов. Из 711 домовладений на Лемносе в 1489 г. 710 принадлежало христианам-грекам. Существенно пострадало лишь монастырское хозяйство. В первый период туркокрации, заключает Лоури, «османское присутствие было немногим более чем налетом на острове, чье население, религия, язык и культура были византийскими» (с. 259).

В главе Э. Брайера о структуре поздневизантийского города проводится мысль, что османские городские кварталы-махаллы были унаследованы от предшествующего периода. По его мнению, город XII—XV вв. состоял не из одного, а из нескольких центров, вокруг которых группировались поселения разных групп жителей. В понтийских городах, и прежде всего — в Трапезунде, население обладало своего рода общинной организацией, сродни той, что объединяла жителей понтийской периферии (с. 278—279). Отмечая активность трапезундского дима, Брайер полагает, что трапезундское купечество и вообще слой «месой» были ограничены количественно и не располагали крупными капиталами. Брайер смог насчитать лишь 4 патрона судов трапезундца. Его вывод гласит: «Рождающееся поздневизантийское бюргерство, конечно, наличествовало, но до некоторой степени было и порождением и жертвой италья-

² См., например, закупку продовольствия трапезундским торговцем обществом для фактории в Самастра на сумму 24 032 аспра: Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Caffè Massaria ad annum 1455. F. 208r. См. подробнее: *Карпов С. П.* Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII—первой половины XV в. // *Византиноведение*. София, 1981. Т. VII. С. 239—245; *Он же.* Социальная структура городов Южного Причерноморья (XIII—XV вв.) // *Классы и сословия средневекового общества*. М., 1988. С. 64—72.

янцев, а в таком месте, как Трапезунд оно, как кажется, не насчитывает крупных купцов» (с. 278—279). Вряд ли такое суждение можно принять полностью. Среди трапезундских купцов были представители всех имущественных категорий, а трапезундские торговые общества инвестировали капиталы в десятках тысяч аспров². По данным массарий Каффы и Перы (1374—1461 гг.), мы насчитали около 60 патронов судов-греков из понтийских городов, включая и Трапезунд. Трапезундские купцы были действительно младшими партнерами итальянцев, но отнюдь не были их жертвой. Слой этот развивался поступательно.

В главе С. Вриониса тщательно проанализированы обстоятельства османского завоевания Фессалоники в 1430 г., показаны его губительные последствия, резкое снижение населения города в результате его завоевания примерно с 10 до 2 тыс. человек. Переход города под власть османов изменил и его этнический облик. В XVI—XVII вв. он заселялся преимущественно еврейским населением. Этот же процесс насильственного и добровольного переселения жителей осман-

ских владений в другие города на примерах Константинополя, Трапезунда и Фессалоники рассмотрен в заключительной главе, написанной Х. Лоури.

Не все в книге равномерно. Есть в ней и повторы, и некоторые противоречия (как, например, в датах политической истории Лемноса в главах Дж. Холдона и П. Топпинга). Далеко не всегда регион в византийское и османское время рассматривается по единым параметрам, да и не всегда это позволял и сам материал источников. Пожалуй, лучше всего сопоставление сделано на примере Маукуи. Несмотря на все это, книга показывает живучесть византийских традиций в первые периоды османского господства, поверхность воздействия османских институтов на глубинные основы хозяйства и быта. В целом можно с уверенностью сказать, что перед нами оригинальное и ценное исследование, доказавшее возможность и необходимость, несмотря на все источниковедческие трудности, использования османских налоговых описей для выяснения аграрного и городского развития поздней Византии.

С. П. Карпов

Alexander Paul J. The Byzantine Apocalyptic Tradition / Edited by Dorothy de F. Abrahamse. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1985. 239 p.

Известный специалист по византийской апокалиптике Поль Александер умер в 1977 г. Рассматриваемая книга издана по незаконченной рукописи его ученицей Д. де Ф. Абрахамс. Несмотря на свое обобщающее название, книга посвящена довольно ограниченному кругу памятников. В первой части, озаглавленной «Тексты», исследуются: «Апокалипсис Псевдо-Мefeldия Патарского» в его сирийском оригинале (с. 13—51) и греческом переводе (с. 52—60); «Видение Даниилово», дошедшее в славянском переводе (с. 61—72), и родственные ему греческие тексты (с. 72—95); реконструируемое П. Александером из рассказа Лиутпранда о посольстве в Константинополь апокалиптическое сочинение, которое, по его мнению, также называлось «Видение Даниила» (с. 96—122); апокалипсис Андрея Юродивого из жития этого святого (с. 123—129); «Центон об истинном императоре» (с. 130—135) и «Псевдо-Ефрем» в латинском и сирийском вариантах (с. 136—147).

Во второй части книги, «Темы», помещены этюды о постоянных сюжетах апокалиптики: последнем императоре (с. 151—184), Гоге и Магоге (с. 185—192) и Антихристе (с. 193—225). По словам Д. Абрахамс, последние два раздела остались незаконченными (с. 6).

П. Александер скрупулезно исследует соотношение различных памятников между собой, выясняет время и место их создания, проследживает генеалогию тех или иных сюжетов. Проблема текста для него в данной книге — это проблема источника заимствования. Разумеется, такой подход не только правомерен, но и необходим на ранней стадии изучения памятников, и побуждает исследователя к строгому

самоограничению. Так, если в других работах сюжет о вручении последним царем своего царства богу является свидетельством политического самосознания византийцев, то здесь — лишь показателем иудейской первоосновы греческой апокалиптики (с. 175—181). П. Александер признает, что Византия внесла в этот мотив некоторое своеобразие (с. 179), но не фиксирует внимания на ввелитературных аспектах. Точно так же интереснейшее наблюдение над различием в интерпретации тезиса о вечности империи у Псевдо-Мefeldия и у Космы самим ученым явно воспринимается как побочное (с. 23, примеч. 28). Правда, следует помнить, что П. Александер планировал написать отдельную главу об историческом значении апокалипсисов, но не успел (ср.: с. 6). Вообще, ряд мест в книге (ср.: с. 29, примеч. 49; с. 163, примеч. 44) дает основание предполагать, что ученый собирался внести в свою рукопись значительные коррективы.

Посмертная монография П. Александера — важный вклад в византийское источниковедение. Она дает основу и для функционального изучения апокалипсисов.

В заключение позволим себе несколько мелких замечаний к отдельным высказываниям П. Александера. Так, ученый допускает, что распространяя греческого перевода Псевдо-Мefeldия по сравнению с сирийским оригиналом могут восходить к какой-либо иной сирийской редакции (с. 52—53) — однако против такой возможности свидетельствует сочетание $\lambda\omicron\mu\beta\omicron\varsigma$ και $\lambda\omicron\mu\beta\omicron\varsigma$, принадлежащее античной риторике и звучавшее ассонаansom лишь для греческого уха. Далее, П. Александер